

ИСКУССТВО РОДНИТ НАРОДЫ

ТАНЦУЕТ АЛЛА ОСИПЕНКО

В числе наших гостей — выдающаяся советская балерина, солистка ордена Ленина Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, народная артистка РСФСР Алла Осипенко. На сцене родного театра ею создана целая череда замечательных образов. Творчество гости нашей уже знакомы фрунзенцам: балерина приезжает к нам в третий раз. «Весна Ала-Тоо» будет ознаменована выступлениями прекрасной ленинградской танцовщицы в спектаклях Киргизского ордена Ленина академического театра оперы и балета: в «Одетте-Одиле», в бессмертном «Лебедином озере».

Последний (9-й) номер московского журнала «Театральная жизнь» рассказывает в заметках И. Ступникова о новой работе Аллы Осипенко.

Тревожные, резкие аккорды оркестра разрывают тишину зала, настаивают, призывают, грозят... Таинственно мерцают светильники-жемчужины. Медленно, словно нехотя, раскрываются страницы-створки огромной книги, испещренной вычурными, ажурными письменами, хранящими в своих причудливых изгибах голоса далекой древности... Легенда о любви...

Как будто на заставке, украшающей первый лист старинного фолианта, расположились фигуры: неподвижная, вся в белом, охваченная недугом, рыжекудрая принцесса Ширин, скорбные, окутанные черными одеждами плакальщицы, а над ними — вся страдания и боль, стройная, словно выточенная из камня царица Мехменэ Бану.

Еще мгновение — и они

оживут: взметнутся тонкие запястья плакальщиц, и неслышно, как бы в раздумье, поплывет, едва касаясь сцены, красавица царица, готовая пожертвовать всем для спасения умирающей сестры. Но внезапно случилось ее плавное скольжение: в вихревых вращениях почти исчезают очертания тела, вверх взмывают руки, они молят о помощи, призывают к милосердию — резкими взмахами-батманами переступают ноги, и чудится — в тишине царского дворца раздаются крики, полные отчаяния...

Так впервые возникает перед нами в спектакле Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова «Легенда о любви» гордая царица Мехменэ Бану в исполнении Аллы Осипенко.

В сценической практике нередко случается так: роль словно специально созданная для того или иного актера, необыкновенно идущая к его творческой индивидуальности, исполняется им впервые много позже премьеры спектакля. Так произошло и на этот раз — актриса и роль разминувшись, не встретились в назначенный срок. Роль Мехменэ Бану А. Осипенко исполнила не так давно, войдя в спектакль, уже любившийся ленинградцам.

...Вот появляется Незнакомец — воплощение суровой, безжалостной судьбы.

Он один может спасти Ширин, излечить ее от тяжелой болезни. В глазах Мехменэ Бану — Осипенко вспыхивает надежда. Взлетают руки в повелительном жесте, и сцена заливается сверкающим светом золота, которое может все купить, которым можно за все расплатиться — к этой мысли с детства привыкла царица. Властно и гордо прорезает она своим телом груды сверкающих монет, таких всемогущих и таких послушных: ансамбль черно-золотых танцовщиц рассыпается и снова свивается в тугую жгут. Но Незнакомец равнодушен к манящему звону золота. В награду за исцеление Ширин он требует красоту Мехменэ Бану. Как зачарованная вторит царица движениям Незнакомца, то покорно опускаясь, то вздымаясь. Ее движения полны молчаливой скорби, отчая-

ния, но во всем — строгая мера, скупость красок: жертвоприношение свершается молчаливо, сдержанно, без аффектации. И вот навсегда скрывается обезображенное лицо царицы под черной повязкой, видны лишь глаза — выразительные, резко выделенные ярко-синими линиями...

Вот появляется героиня Осипенко перед дворцом — прямая, холодная, отрешенная. Торжественно приближается царский кортеж к новому зданию, и тут на пути сестер встает фигура рисовальщика Ферхада. Встретились взгляды... Все как будто осталось по-прежнему — очертания дворца, позы людей, и лишь затрепетало, забилося сердце, словно птица, попавшая в силки. Внешне все без изменения — гордо застыла Мехменэ Бану, чуть сузились ее прекрасные глаза... Но уже зажглось негасимое, жгучее пламя любви, потянулись к любимому руки... Певучими, мягкими линиями очерчивает таинец-адажио Осипенко. В этой сцене актриса с большим мастерством проводит грань между Мехменэ Бану-царицей, гордой, замкнутой, надменной, и Мехменэ Бану-женщиной, любящей, страдающей, одинокой... Но вот вспыхнул безжалостный, слепящий свет, и снова Мехменэ Бану — царица, а Ферхад, имя которого будут теперь

шептать уста этой женщины, — простой рисовальщик.

...В огненно красный костюм затушевано тело царицы, с равнодушием наблюдающей за танцами горбачихи шутов и прыжков, изломанных танцовщиц. Она далека в своих мыслях от этого шума и суеты... Уходят придворные, исчезают танцовщицы. И долго сдерживаемое рыдание вырывается из груди царицы, в сильных прыжках мечется Мехменэ Бану — Осипенко, падает на пол, вздымает в воздух, вьется в стремительных турах. Нет сил быть вдалеке от Ферхада! Кричат руки, призывая любимого, в надрывном изломе стонет тело, истомленное одиночеством. Но все напрасно.

...Медленно появляется Мехменэ Бану в сопровождении кордебалета — грозная и нежная, гневная и страдающая. Лишь в мечтах может она встретиться с Ферхадом, но и этот миг видения, миг несбыточного сна — счастье для Мехменэ Бану. Огненные мысли словно жгут царицу, не дают ей желанного покоя, опаляя сладостным жаром. Актриса выразительна в каждой позе, в каждом движении, в каждом жесте. Как прощальное восклицание, как расставание с миром греет звучит последний аккорд. Тело Мехменэ Бану распласталось внизу, на земле. Испита до конца чаша страданий и надежд...

И. СТУПНИКОВ.

(«Театральная жизнь», № 9, 1967).

Советская киргизия
Г. Фрунзе

- 1 июля 1967